

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Писцовые* книги Оболенской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 188.
- ² См.: *Missilä V. Suomalaista imistö:tutkimusta* Helsinki, 1962. S. 92.
- ³ См.: *Pall V. Põhja -Tartumaa kohanimed* H. Tallinn, 1977. Lk. 196, 237.
- ⁴ Подобный процесс происходил и позднее. Он нагляден, к примеру, в названиях хуторов, во множестве возникавших в XIX в. в ареале южновепсского расселения; многие из них восходят к названиям тех урочищ, на территории которых возникли хутора: хут. *Pihār* <оз. *Pihār(v)*, хут. *Ledo* <ур. *Ledo* и др.
- ⁵ Русские истоки обнаруживает не только термин, но и сам тип поселения, проникший и укоренившийся в вепсской среде не позднее XIV в. См. об этом: *Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры*. М.; Л., 1965. С. 219.
- ⁶ *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. СПб., 1895. Т. 2.
- ⁷ Хранится в Ленинградском университете.
- ⁸ *Список селений в Олонецкой губернии с обозначением наличного числа домов и жителей (по сведениям 1892 г.)* // Олонецкий сб. Петрозаводск, 1894. Вып. 3.
- ⁹ См.: *Пименов В. В. Вепсы...* С. 184—185.
- ¹⁰ Термин *ragast*, выступающий в наименованиях центральных деревень в средневепсском ареале, здесь, на территории расселения южных вепсов, не получил распространения по той причине, что вся южновепсская территория тяготела к одному единственному погосту — Пелушскому, который к тому же был лишь церковно-приходским и административным центром, но не поселением. От последних он отстоял на значительном расстоянии.
- ¹¹ См.: *Аграрная история северо-запада России XVI века: Новгородские пятины*. Л., 1974. С. 248.
- ¹² См.: *Воронин Н. Н. К истории сельских поселений феодальной Руси: Погост, слобода, село, деревня*. Л., 1935. С. 70—73; *Веселовский С. Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв.: Историко-социол. исслед. о типах внегор. поселений*. М.; Л., 1936. С. 26.
- ¹³ Имеющиеся в нашем распоряжении данные не подтверждают популярности соответствующей топонимической модели в ойконимии родственных прибалтийско-финских языков.
- ¹⁴ См.: *Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков: Из истории сельских поселений*. М., 1962. С. 99.
- ¹⁵ См.: *Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.* М.; Л., 1951. С. 72—77.
- ¹⁶ См.: *Воронин Н. Н. К истории сельских поселений...* С. 40.

Н. Н. Мамонтова

Петрозаводск

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ В ТОПОНИМИИ КАРЕЛИИ

Как известно, в географических названиях содержатся своеобразные отголоски материальных условий жизни населения в оп-

ределенные эпохи: физико-географических особенностей региона, его флоры и фауны, некоторых сторон хозяйственной деятельности и быта человека в прошлом, исторических событий, имевших место случаев, происшествий. В ряде топонимов закрепляются этнические, социальные и прочие отношения людей. Топонимические данные способны служить неплохим подспорьем и при изучении отдельных вопросов духовной культуры, в частности, в топонимии можно найти следы религиозных воззрений и древних верований.

В Карелии широко известны географические названия Бесов Нос — так обозначены мыс и деревня на восточном берегу Онежского озера — и Бесовы Следки, местечко в 7—8 км от устья р. Выг. Первое из них обязано своим появлением огромной человекообразной фигуре, выбитой древним художником на скале в окружении множества других фигур и хорошо сохранившейся до наших дней. В народном сознании она связывалась с образом нечистой силы — бесом [1].

Второе название также связано с петроглифами, т. е. наскальными рисунками, один из которых изображает цепочку следов босых ступней и человекообразную фигуру, воспринимаемую местными жителями как изображение черта. Чертовы Следки — именно так вначале называлось это местечко на острове Шойрукша возле порога Шойрукша на р. Выг, но его «первооткрыватель и основной исследователь» А. М. Линевский по аналогии с известным уже центром онежских петроглифов Бесовым Носом назвал его Бесовыми Следками, что и закрепилось затем в литературе и жизни [2].

К этим двум названиям примыкает еще топоним Бесовец — название поселения по р. Шуя. На происхождение этого топонима проливают свет изыскания, проведенные в долине Шуи возле Бесовца студентами естественно-географического факультета Карельского пединститута под руководством кандидата географических наук В. Н. Шульгина. Ими были обнаружены природные образования из известняков, своего рода каменные «караваи» и «коврики-дорожки» с сотово-ячеистым рисунком на поверхности, а также образования из песчаников и сланцев в виде волнообразных «дорожек» [3]. Не исключено, что наши далекие предки тоже видели здесь такие необычные «караваи» и «коврики-дорожки» с узорами, но, не понимая природы этих явлений, приписывали их образованию действиям нечистой силы, бесов [4], отсюда название Бесовец, известное, кстати, уже в XVI в.: «Дер/евня/ под Поро/го/м у Бесовца», «Дер/евня/ на Бесовце» [5].

Вспомним еще одно название на территории Карелии: Чертов Стул — зона отдыха петрозаводчан на противоположном от города берегу Петрозаводской губы Онежского озера. Вот как описывает его карельский поэт и философ Ю. Линник: «Название ме-

стечка Чертов Стул отражает своеобразие формы скалы. Чувствуется в нем и отголосок ныне забытых языческих поверий, игра народной фантазии. В самом деле, эти скалы могли бы послужить естественной декорацией для дантовских видений. И на современного человека они дышат какой-то неукротимой силой» [6]. Ср. также названия: Чертова Лахта в районе г. Сортавала или Бесов Ручей («Дер/евня/ на усть Важены словет у Бесова ручью» — ПК ОП, 94), Бесово [7] (Юлмаки), д. (Великоницкий сельсовет Заонежского р-на) [8].

Приведенным русским названиям на территории Карелии семантически соответствуют топонимы прибалтийско-финского происхождения. Так, о языческих верованиях и представлениях древних прибалто-финнов — предков современных карел, вепсов, финнов свидетельствуют следующие названия, образованные от лексем *hiisi* и ее производных со значением «злой дух, леший, черт, дьявол, бес» [9]: *hiizjärvi*, рус. Хижъярви или Гижезеро, оз. и д. (Ведлозерский сельсовет Пряжинского р-на — СМ, 1933, № 1108); *hiizärvi*, *hiizjärvi*, рус. Хижезеро, оз. и д. (Андроновогорский и Ругозерский сельсоветы Ругозерского р-на — СМ, 1933, № 151, 158); *hiizärvi*, рус. Хижезеро, оз. и д. (Выгозерский сельсовет Медвежьегорского р-на — СМ, 1933, № 581); *hiizjärvi*, *hiizärvi*, рус. Гижезеро, оз. и д. (Пульчельский сельсовет Олонцкого р-на — СМ, 1933, № 1193); *Hidniemi*, рус. Гижнаволок, Гижино или Гижина, д. (Михайловский сельсовет Олонцкого р-на — СМ, 1933, № 1504); *Hiitoilu*, рус. Гиттойла, д. (Рыпушкальский сельсовет Олонцкого р-на — СМ, 1933, № 1428); Хийденселькя и Хиитойла, населенные пункты на территории современных Лахденпохского и Суоярвского районов. Возможно, такого же происхождения названия Хитолампина (по новым источникам — Хетолампина), пос. (Чупинский сельсовет Лоухского р-на — СМ, 1933, № 344), Русские Хизалмы, д. (Маслозерский сельсовет Кемского р-на — СМ, 1933, № 454).

Среди микропонимов встречаются названия *Hitoi*, *Hitoimägi*, пок. и гора при дороге между деревнями Мачезеро и Лисья Сельга (Олонцкий р-н) [10]; *hiiziniemi*, полуостров; *hiiziniemensoare*, о в (Янгозеро), *hiizvuara*, гора (Юшкозеро); *hiizdärvi*, *hiizliet-tegensuo*, оз. и бол. (Тивдия); *Hidenguba*, залив (Мунозеро) [11]. Ср. также: «Дер/евня/ на Хиж-горе» (Челмужи) — ПК ОП, 166; «Дер/евня/ за рекою Гиж-наволок» (Шуньга) — ПК ОП, 6; «Дер/евня/ возле Гижино мох на горе. Поч/иннок/ у Гижино озера» (Мегрега) — ПК ОП, 219; и др.

Некоторые ученые (А. М. Линевский, А. Я. Брюсов, Н. Н. Гурин) усматривают в петроглифах местечек Бесов Нос и Бесовы Следки изображение духа-хозяина водной стихии или хозяина зверей и промысловых мест охоты, а сами эти места считают центрами первобытных межплеменных святилищ, где приносились жерт-

воприношения, которые, по наивным верованиям первобытных охотников, должны были обеспечить успех в охоте [12]. С этим хорошо увязываются и некоторые другие значения слова *hiisi*, а именно: «священная роща в языческое время, роща поклонения, языческое место жертвоприношения; лесок, роща, кладбище, отдаленное уединенное место, позже — плохое место вообще, пропасть, ад» [13].

Как и в русском языке, где понятие «нечистая сила» выражается целым рядом слов (*бес, черт, дьявол, леший, демон* и т. д.), в прибалтийско-финских языках тоже существуют синонимы: карел. *lempo, lemboi*; вепс. *lembei, lembue*; фин. *lempo*; карел. *piru, karu, kehno, biessu, piessu* (заимствование из русского — *бес*). Некоторые из этих слов можно усматривать в составе тех или иных названий мест, например: Лембачева, д. (Шуйский сельсовет Прионежского р-на — СНМ, 1933, № 2533); *Karunsildu, karu(t)selgü*, мост и гора возле д. Гошкила; *Karuselgü*, гора возле д. Погранкондуши; *Karusuo*, бол. (Обжа) — все объекты расположены в Олонечком районе.

Помимо мест, связанных, по народным представлениям, с нечистой силой, и как бы в противоположность им особо обозначены «святые» места. Например, немало топонимов, в основе которых лежит карельское (вепсское, финское) слово *pühä* с основными значениями: «1. святой; 2. пост». Как определяющая часть сложных по структуре прибалтийско-финских названий мест оно встречается повсеместно [14]: *pühädärvi*, *pühärv(i)*, рус. Свя-тозеро, оз. и группа деревень на его берегу (Пряжинский р-н — СНМ, 1933, № 1174); *pühäniem(i)*, рус. Святнаволок, мыс и д. на нем (Петровский р-н — СНМ, 1933, № 798—800); *pühädogi*, рус. Святрака или Свят-река, приток р. Шуя, вытекает из оз. Святозеро или Свят-озеро, Святое (Пряжинский р-н [15]); Святое, оз. (Пудожский р-н — КОК, № 299); *pühäjärvi* или *pühädärvi*, рус. Святое Озеро; *pühämägi* или *pühäselgü*, гора (Нурмойла); *pühäsuari* или *pühäpedrinsuari*, о-в в р. Тулокса, на котором стояла церковь святого Петра (Тулокса); *pühäraja* хут. (Видлица) — Олонецкий р-н (ПМ); *pühäjoki*, р.; *pühäjärvi* оз. (Суоярви); *pühäjärvi*, оз. (Импilahти); *pühäsuari*, о-в (Хийтола); *pühitüsoari* (Валаам) [16]. Ср. русские названия: Святуха — влив Онежского озера (ПМ), участок Святая Гора близ с. Нюхча (ПМ) и др.

У близких родственников прибалто-финнов — саамов особо почитались святые горы и скалы, а также озера и даже пороги в них. Святыми озерами чаще всего были бессточные, закрытые озера (тундровые и долинные) с чистой родниковой водой. Нередко в них предполагалось даже наличие двойного дна. На берегу таких озер (чаще всего на мысу или на острове, иногда и в воде), считавшихся рыбными местами подземных духов, обычно на-

ходилась камень поклонения. Священные камни саамов назывались *сейдами* (из саамского *sieidi*), причем сейды охотников и оленеводов располагались, как правило, на горе или в тундре. Саамы верили, что сейды помогают в добыче рыбы, оленей или в их охране. Сейды были покровителями семьи, рода. Они ставились не только для удачной охоты, но и по случаю избавления от болезни, для счастливой дороги и т. п. Особенно почитались камни (скалы, горы), напоминающие своим внешним видом очертания человека. Фактически сейды были древними божествами у саамов [17]. Со временем часть сейдов была разрушена, так как народ начал считать их местом обитания нечистой силы [18]. Их довольно много обнаружено на Кольском полуострове и на островах Белого моря (Русский и Немецкий кузова). Исследовательница саамской топонимии Кольского полуострова В. В. Сенкевич-Гудкова приводит ряд топонимов, связанных с культом священных камней-сейдов: *Seit-jaur* «озеро Сейда», *Seit-^{gk}* «река Сейда», *Seit-luht* «губа (залив) Сейда», рус. Дьявольская Губа и др. [19].

Думается, что древние верования саамов не могли не оставить каких-либо следов в топонимах Карелии, поскольку саамы некогда заселяли ее вплоть до южных границ, однако из-за недостаточности имеющегося в нашем распоряжении топонимического материала приходится пока ограничиться предположениями и единичными примерами. Выявление подобных названий мест на территории Карелии довольно затруднительно в силу целого ряда объективных причин. В частности, в языке саамов имеется близкое по звучанию слово *siid*^(A) «зимняя деревня». Именно оно, как предполагает В. Ниссиля, лежит в основе названия поселения *Siidniemi*, *Sidniemi* (i), *Sideniemi*, рус. Сигнаволок (Пряжинский р-н — СНМ, 1933, № 1189), которое обычно связывают с карельским (людиковским) апеллятивом *siig*, *siig*, *sige* «сиг» [20]. К саамским названиям, связанным с культовыми представлениями, В. Лескинен относит также топонимы Карелии с основой *palva* — «жертва, жертвенник, предмет и место поклонения»: Палвозеро, оз., Палвозерка, р. (бассейн р. Выг); Палват (Палат), оз. (бассейн р. Шуя, оз. Сямозеро), Пальеозеро, Пялозеро, Пяльезеро, Пяло (бассейн р. Суна) [21]. Название древнего божества саамов *Tavaj*, *Tava*, *Tava* — хранителя водной и лесной добычи этот же исследователь усматривает в следующих названиях Карелии: Таваёки, р., Таваярви, оз. (бассейн р. Ковда, оз. Пяозеро), Таванд, оз. (бассейн р. Ковда, р. Каменная) [22]. Аналогичные названия имеются и на территории Финляндии.

Подобно саамам, древние карелы также поклонялись священным деревьям, у того и другого народа отмечено почитание зверей и птиц, вера в различных духов — хозяев леса, воды, дома и т. д., наличие языческих молибищ — святых почитаемых мест поклонения.

Следует отметить, что нет возможности четко разграничивать языческие и христианские представления, поскольку «христианские верования местного населения переплетались с дохристианскими верованиями карел и русских» [23].

Как известно, массовое крещение карел имело место в 1227 г., а христианизация Карелии была завершена в XVI в. [24], но и с принятием христианства среди местного населения продолжали сохраняться старые обычаи и верования, в частности, неоднократно новгородские власти посылали искоренять языческие обряды карел, уничтожать их мольбища, места поклонений камням и деревьям. Позже «в священных рощах», в которых раньше были мольбища и совершались языческие обряды поклонения, ставились часовни и в них молились православным святым. Да и само христианство, как отмечают исследователи, дошло до Карелии из Руси далеко не в чистом виде [25].

Следы христианизации находят отражение в названиях поселений, производных от названий церквей, например: Ильинский Погост (Пудожский р-н — СМ, 1933, № 2333), Ильинское (Олонецкий р-н — СМ, 1933, № 1389—1418), Михайловская (Олонецкий р-н — СМ, 1933, № 1507), Часовенская (Кондопожский р-н — СМ, 1933, № 1656; Заонежский р-н — СМ, 1933, № 1761, 1961) и др.

Особенно многочисленны подобные образования среди микротопонимов. Так, небольшие объекты, расположенные рядом с церковными зданиями и сооружениями, получают названия, в определяющей части которых выступают апеллятивы *kirikkō* «церковь», *časounu* «часовня»: *kirikkōniemi*, мыс на р. Видлица; *kirikkōsilda* мост (Видлица); *kirikkōniemi* мыс на оз. Ваг-озеро; *kirikkōnalluodo*, луда (отмель), там же; *kirikkōmaa* участок земли на месте бывшей церкви, сгоревшей в 1918 г. (Кавайно); *kirikkōjärvi*, оз. (Сяндеба); *časounanaiđu*, поле (Сорочья Гора); *časounanpeldo*, поле (Пертисельга); *časounupeldo* поле (Алексала, Виллала, Гушкала, Кимусельга, Пускусельга, Торосозеро, Улваны, Утозеро); *časounupellot*, поля (Рогокоски, Пертозеро); *časounupeldo*, поле; *časounusuo* бол. (Кондусельга); *časounankoski*, порог на р. Видлица (Верхняя Видлица); *časounanoja*, руч., приток р. Обжанка (Обжа), и руч., приток р. Видлица (Видлица); *časounantaganpofanku*, поле за часовней (Павойгора); *časounabajat*, тони в Ладожском озере (Погранкондуши); *časounulambi*, оз. при часовне в деревне (Нинисельга) и др. (Олонецкий р-н — ПМ).

Достаточно много названий мест, производных от слова *крест* (карел., фин., вепс. *risti*, *rist(u)*), например: Крестनावолок — *Ristuniemi*, мыс и д. (Ругозерский р-н — СМ, 1933, № 122); Крестная Гора — гора и д.; Кресты, д. (Заонежский р-н — СМ, 1933, № 1784, 2045); *Ruskeiristaine* (буквальный перевод «крас-

ный крестик»), развилка дорог (Видана, Пряжинский р-н — ПМ); Юляристу (буквальный перевод «верхний крест»), р. (Калевальский р-н — ПМ); Ristu, Ristaine, развилка дорог; Ristannägi, гора (Нинисельга); Ristudorogu, дорога; Ristannägi, гора (Новая Заживка); Ristulambi, оз. (Коткозеро); Ristupeldo, поле (Алексаала); Ristudorogu, дорога (Левендукса); Ristu, пок. (Инема); Ristaidu, поле (Верхняя Видлица); Ristallaidu, берег Ладожского озера с большим валуном, на котором монахи выбили крест (Погранкондуши); Ristanalustu, поле (Сарипорог); Ristankandu, бор (Гошкила, Ильинское); Ristazeññiittū, пок. (Саримяги); Ristanpolanku, Ristansuo, поле и бол. (Куйтежи); Ristanpolanku, поле (Речная Сельга); Ristansuo, бол.; Ristažet (буквальный перевод «крестики»), развилка (Лакта Утозерская); Ristaññiittū, пок. (Канзозеро); Ristanpeldo, поле (Нурмойла) (Олонецкий р-н — ПМ);

Обилие названий с указанной лексемой *ristu* «крест» объясняется распространенным у карел обычаем ставить кресты для оберега от всего дурного на перекрестках дорог, в особо заметных или опасных местах, а также по обету, в случае избавления от болезни или какого-либо несчастья. Какая-то часть из этих названий могла быть связана с верованиями другого рода (так называемым обычаем *ristupetäjäät*): когда умирал человек, то в память об этом печальном событии вырезался на сосне крест или ветки сосны (ели) обрезались особым образом.

Такого же характера отдельные карельские названия с основой *karzikko*. Как отмечают этнографы, карельское *карсикко* — хвойное дерево с обрубленными особым способом ветвями — являлось многозначным обрядовым и мифологическим символом. Карсикко ставили на тонях в память об удачной ловле рыбы неводом, в лесу, обычно на развилках троп и дорог, на местах пересечения пешеходных и водных путей и т. д., а также в связи с какими-либо значительными событиями для человека (семьи, рода), например приездом редкого гостя, приобщением молодого человека к рыболовной или охотничьей артели и т. д. [26].

Ср. названия Карзик-озеро (Медвежьегорский р-н — СНМ, 1933, № 682), Каржик, оз., именуемое еще Корпанги, Корпанки (Калевальский р-н — КОК, № 926); Karzikko, ур. (Сеппювара); Karzikkahandefankat, лесные делянки; Karzikkahanseffät, сельги, т. е. горы, покрытые лесом (Видлица); Karzikkahandorogu, дорога; Karzikkahanjogi, р. (Сяндеба); Karzikkahanmua, поля и покосы (Кельнаволоок) — Олонецкий р-н (ПМ).

Обратимся еще к одной группе названий, имеющей, как нам кажется, отношение к теме. Речь пойдет о топонимах, определяющей частью которых является лексема *укко* (карел., фин. *ukko*, вепс. *uk*, *uk*) «старик, муж, мужчина». Еще одно значение — «верховное божество», которому поклонялось местное население

Карелии. Как отмечает А. М. Линевский, в народном эпосе «Калевала» чаще всех других богов упоминается Укко — бог неба и грома [27]. Саамы-оленоводы северо-восточной части прихода Инари (Финляндия) так же называли Укко богом неба и грома (что отмечено и у саамского населения других регионов). Трудно сказать, какое именно из указанных значений лексемы *укко* (*ukko*) легло в основу следующих названий мест: Укк-озеро или Уккозеро, оз. и д., Укк-ручей или Укк-ручей, р. (Беломорский р-н — КОК, № 587); Уккола, д. (Пряжинский р-н — СНМ, 1933, № 1078); Укон-ниеми, д. (Кестеньгский р-н — СНМ, 1933, № 4); *Ukonmägi*, гора (Кимусельга); *Ukonsaaret*, рус. Дедовы Острова, острова в Ладожском озере (Погранкондуши). По поводу последнего топонима существует предание, согласно которому на одном из камней отпечатался след босой ступни, оставленный якобы божеством Укко [28]. Подобные названия существуют и на территории Финляндии [29], и на Кольском полуострове [30]. Часть приведенных названий, очевидно, мифологического происхождения, особенно те, которые сопровождаются какими-либо легендами, преданиями.

К рассмотренной группе примыкают названия с лексемой *акка* «баба, жена, женщина». По саамской мифологии, существовало несколько божеств по имени Акка, среди которых главной силой была жена Укко. Поэтому не случайно, наверное, скопление топонимов с указанной основой на Кольском полуострове (до 20 названий) и в Северной Карелии, например: Аканваара, поселение (Ругозерский р-н — СНМ, 1933, № 193); Аккала, д. (Кестеньгский р-н — СНМ, 1933, № 24); Бабгуба, *Akonlahti*, д. (Ухтинский р-н — СНМ, 1933, № 89); Бабья Губа, *Akonlahti*, залив (Ругозерский р-н — СНМ, 1933, № 125); Акан-озеро или Акон-ярви, Аконъярви, оз.; Аконъя или Аконоя, р. (Петровский р-н — КОК, № 147); Акан-озеро, оз. (Ругозерский р-н — КОК, № 963); Акан-ярви или Аканъярви, Акан-озеро, оз. (Ругозерский р-н — КОК, № 975). Подобные образования встречаются и в других районах Карелии: *Akkahtarju*, гора (Яаккима); *Akanmäki*, гора (Сортавала) [31]; *Akannisku*, порог в р. Олонка (Сарипорог); *Akajoja*, руч., приток р. Седокса, притока р. Олонка (Антула); *Akanristu* (буквальный перевод «бабы крест»), пок. (Березовая Гора) и др. (Олонецкий р-н — ПМ).

Очевидно, было бы несправедливо все указанные названия мест причислять к разряду мифологических. Какая-то часть из них определенно связана просто с апеллятивом *акка* «баба, жена, женщина». Так, руч. *Akajoja* получил название, по сведениям местных жителей, после того, как там однажды, переходя его, «выкупалась» какая-то женщина. Конечно, далеко не все легенды, сопровождающие названия, достоверны, тем не менее наличие их помогает в исследовании причин номинации объектов.

Следует отметить, что названия, связанные с языческими и христианскими верованиями и представлениями, в топонимии Карелии составляют весьма незначительный процент. Так, на несколько тысяч названий мест Олонецкого района приходится всего несколько десятков подобных топонимов. И это вполне закономерно, поскольку в целом географические названия более тесно связаны с материальными условиями жизни людей, чем с их верованиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прежде этот мыс назывался *Бесов Мыс*, просто *Бес*, а также *Крестовый*, так как много позже возле фигуры беса монахами близлежащего Муромского монастыря было выбито два креста. См.: *Памятная книжка Олонецкой губернии* на 1867 год. Петрозаводск, 1867. С. 107.

² См.: *Савватеев Ю. А.* Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967. С. 63.

³ См.: *Шульгин В. Н.* Тайны поселка Бесовец // Ленин. Правда (Петрозаводск). 1977. 24 июля.

⁴ Существует еще одна гипотеза происхождения этого названия, согласно которой порог назывался за свою стремительность и неукротимость *Бесом*. См.: *Изв. Общества изуч. Олонецкой губ.* Петрозаводск, 1974. Т. 4. № 6—7. С. 119.

⁵ *Писцовые книги Обонежской пятины 1496- и 1563 гг.* Л., 1930. 115, 117 (далее — ПКОП).

⁶ *Окрестности Петрозаводска.* Петрозаводск, 1981. С. 7. (Ил. № 9).

⁷ Не исключено, конечно, что какие-то из подобных названий сближаются с антропотопонимами и образованы от имен, прозвищ, фамилий первопоселенцев или владельцев названных объектов. Ср. древнерусское нехристианское личное мужское имя *Бес* (см.: *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 79) и производную от него фамилию *Бесов*. Так, в 1622 г. в местечке Боровск проживал Бесов Иван Андреевич. (См.: *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 37; *Missilä V.* Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes // *Suomalaisugrilaisen Seuran toimituksia* 144. Helsinki, 1962. S. 17).

⁸ *Списки населенных мест Карельской АССР:* (по материалам переписи 1933 года). Петрозаводск, 1935. № 2067 (далее — СНМ, 1933).

⁹ Карел. *hiisi*, *hiisi*, *hiisi*, фин. *hiisi* (родительный единственного числа *hiiden*) или же карел., фин. *hitto*, *hitto*, *hitto*, венг. *hittu* (SKES, I, 74; *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь венг. языка. Л., 1972). В свою очередь, допускаем, что какая-то часть из них могла быть также производной от антропонимов прибалтийско-финского происхождения, ср.: фамилии у северных карел и финнов — *Hiitonen* (*Missilä V.* *Suomen Karjalan nimistö*, Joensuu, 1975. S. 91) или *Gutтов* — у южных карел, в основе которых апеллятив *hitto* (i).

¹⁰ Полевые материалы (далее — ПМ).

¹¹ См.: *Missilä V.* *Die Dorfnamen...* S. 21—22.

¹² См.: *Савватеев Ю. А.* Залавруга: Археол. памятники низовья реки Выг. Л., 1970. Ч. I. С. 46.

¹³ Все значения и употребление слова *hiisi* у прибалто-финнов тщательно и всесторонне рассмотрел финский лингвист Мауно Кюоски. См.: *Koski M.* *Itämeren suomalaisten kielen Hiisanue. Semanttinen tutkimus.* Turku, 1967—1970. Osa I—II.

¹⁴ См.: *Missilä V.* *Die Dorfnamen...* S. 67—68. К культовым топонимам (*kulttinimi* — по финской терминологии) относятся названия святых мест и мест поклонений, в составе которых обнаруживаются слова *hiisi* и *pyhä*. См.: *Kivimäki E., Pitkänen R. L., Zillacus K.* *Kulttintutkimuksen terminologia.* Gastrenianummi toimittaita, N. 8. Helsinki, 1974. S. 22.

- ¹⁵ См.: Григорьев С. В., Грицевская Г. Л. Каталог озер Карелии. М.; Л., 1959 (далее — КОК).
- ¹⁶ См.: Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. S. 91.
- ¹⁷ См.: Itkonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Helsinki, 1947. S. 315—320.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 319.
- ¹⁹ См.: Сенкевич-Гудкова В. В. Топонимика Кольского полуострова как исторический источник // Всесоюз. совещ. по вопр. финно-угор. филологии 26—30 июня 1961: Тез. докл. Петрозаводск, 1961. С. 113.
- ²⁰ См.: Nissilä V. Dorfnamen... S. 72—73.
- ²¹ См.: Лескинен В. Т. Основные лексико-семантические группы финской топонимии в Карелии // Науч. конф. по итогам работ за 1965 год. Май 1966: Секция языкознания, секция лит. и народ. творчества: Тез. докл. Петрозаводск, 1966. С. 37.
- ²² См.: Там же. С. 36.
- ²³ Степанов А. Я. На путях духовного возрождения: (Религия и атеизм в Карелии). Петрозаводск, 1982. С. 47.
- ²⁴ См.: Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. 1. С. 58, 100—101.
- ²⁵ См.: Степанов А. Я. На путях духовного возрождения... С. 42.
- ²⁶ См.: Конка А. П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 85—112.
- ²⁷ См.: Линевский А. М. Руны «Калевалы» как исторический источник // Тр. юбил. науч. сессии, посвященной 100-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 127.
- ²⁸ См.: Олонецкий сб.: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск. 1875—1876. Вып. 1. С. 107.
- ²⁹ См.: Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962. S. 27.
- ³⁰ См.: Минкин А. А. Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976. С. 138.
- ³¹ Рядом с ней гора Ukonnmäki См.: Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. S. 114.

М. А. Тяботов

Тюмень

ОБ ОТРАЖЕНИИ В ТОПОНИМИИ РЕЛИГИОЗНЫХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ХАНТЫ

Хантыйские географические названия, своими корнями уходящие в далекое прошлое, таят в себе еще много загадок. Цель данной статьи — показать, что при этимологической интерпретации хантыйских топонимов необходимо учитывать особенности социальной организации и мировоззрения народа. Не зная о культе гладких и полированных камней у ханты, трудно объяснить название типа Сутьёхум «брусковый бор». Сутолынгайюхан «маленькая речка в начале (конце) бруска». Невозможно дать истолкование многочисленных «котловых» названий типа Кевпутлор «озеро каменного котла», Путнорьюхан «речка котла с ручкой», если неиз-